

УДК 316.2

АЛЕК Д. ЭПШТЕЙН,

Ph.D., исследователь и активист, преподаватель отделения социологии, политологии и средств массовых коммуникаций Открытого университета Израиля и факультета социологии и политологии МВШСЭН, Москва

Становление гомосексуальной идентичности и формирование стены отчуждения между повзрослевшими детьми и их родителями

Аннотация

Статья базируется на анализе 60 формализованных интервью с участниками курса “От пола — к гендеру, от гендера — к квиру”, проведенного автором в Киево-Могилянской академии в мае 2011 года. Среди опрошенных треть имело опыт исключительно гетеросексуальных отношений, в то время как другая треть — преимущественно гомосексуальных, хотя 80% из них имеют и опыт гетеросексуальных отношений. В центре исследования — вопрос о доверительных отношениях, которые складываются у гетеро- и гомосексуалов со своими родными и близкими.

Из полученных данных следует, что родители и другие члены семьи не являются ближайшими конфидентами ни для гетеро-, ни для гомосексуалов. Однако в то время как первые с течением времени проходят процесс “воссоединения” с родителями и делятся с ними (как минимум, с мамой) информацией о том, что приобрели тот или иной сексуальный опыт, то вторые — нет: большинство гомо- и бисексуалов в течение многих лет не совершают coming out перед своими родителями, вследствие чего те имеют весьма приблизительное представление о том, чем живут их дети, что им важно и что их беспокоит. Иными словами, у молодых людей-гомосексуалов и девушек-лесбиянок процесс отчуждения от родителей, сам по себе нормальный в подростковом возрасте, является не временным, а, как минимум, долгосрочным.

Ключевые слова: *взросление, половое развитие, межпоколенческие отношения, гомосексуальность, гомофобия*

В социологической и психологической литературе существует огромное количество работ, посвященных отношениям юношей и девушек со своими родителями в период их личностного и сексуального взросления. Следует отметить, что существенные проблемы в межпоколенческих отношениях отмечаются исследователями вне зависимости от гендерной идентичности и сексуальных ориентаций молодых людей. Так, известный социолог Б.В.Дубин пишет: “Десятилетие за десятилетием в советской России под глянцевого обложкой преемственности воспроизводился, можно сказать — консервировался, разрыв поколений, копились их взаимная глухота и агрессивность... Поколение родителей, а особенно — пожилых россиян относятся к младшим поколениям с настороженностью и недоверием. Преобладает обвинительный уклон. Причем ведущая роль в этом принадлежит, скажем, не только малообразованным, неквалифицированным рабочим, но и руководителям разных уровней, дипломированной интеллигенции” [Дубин, 2005: с. 250–251]. Основным источником конфликта поколений принято считать быстрые общественные изменения, приводящие молодых людей к усвоению ценностных ориентаций и форм поведения, несовместимых с теми, которые свойственны людям старшего возраста [Ремшидт, 1994: гл.4.7]¹, однако, как представляется, дело не только в этом. “Нередко случается так, что в тот момент, когда подросток больше всего нуждается в совете или просто помощи взрослых, у них самих оказывается масса проблем” [Флэйк-Хобсон, Робинсон, Скин, 2002]², — пишут американские психологи К.Флэйк-Хобсон, Б.Робинсон и П.Скин в главе “Половая принадлежность и социальные роли” в книге “Развитие ребенка и его отношения с окружающими”, не упоминая при этом никаких геев или лесбиянок, а лишь сугубо “нормативных” юношей и девушек.

Что же здесь говорить о молодых людях, гендерная идентичность и сексуальная ориентация которых оказываются “ненормативными”?! “Подростковая и юношеская гомосексуальность — большая социально-педагогическая проблема для родителей и воспитателей. Никто не хочет своим детям такую судьбу”, — жестко констатировал даже “отец российской гендерной толерантности” Игорь Кон (1928–2011) в книге “Любовь небесного цвета” [Кон, 2001]. При этом он справедливо подчеркивал:

“Истинная родительская мудрость в драматической жизненной ситуации состоит в том, чтобы проявить терпимость и понимание к сыну или дочери, принять их такими, какими они себя видят, и поддерживать их в этот самый трудный момент их жизни. От родительской помощи больше, чем от чего бы то ни было другого, зависит находящееся под ударом юношеское самоуважение, с которым, в свою очередь, связаны все остальные психологические свойства личности” [Кон, 1998: с. 359].

Эмпирических данных по этому вопросу, собранных в Советском Союзе или возникших после его распада странах, не было, однако, и в распоряжении Игоря Кона, вследствие чего в своей книге “Лики и маски однополый любви”

¹ Пер. книги: *Helmut Remschmidt*. “Kinder- und Jugendpsychiatrie. Eine praktische Einführung” (Stuttgart, 1987).

² В книге не указан источник оригинального текста; насколько можно судить, пер. выполнен по изд.: K. Flake-Hobson, B.E. Robinson and P. Skeen. “Child development and relationships” (Reading, MA: Addison-Wesley Publishing Company, 1983).

он приводит сведения, собранные в ГДР, не указывая ни время их сбора, ни источник информации: “К сожалению, многие родители не выдерживают этого испытания. В бывшей ГДР информации об однополной любви было гораздо больше, чем в России, но понять своих гомосексуальных сыновей пытались только 19% матерей и 7% отцов; подавляющее большинство (70% матерей и 78% отцов) об их проблемах вообще не знали” [Кон, 1998: с. 359].

Эта проблема поднимается и во второй “классической” монографии о гомосексуальности на русском языке — книге “Другая любовь”, написанной Львом Клейном. И в его распоряжении не было никакого отечественного эмпирического материала, вследствие чего ему пришлось пользоваться данными, собранными американским психологом Чарльзом Сильверстейном:

“В традиционной американской семье отец рад, если сын растет физически хорошо развитым, увлекается спортом, участвует в соревнованиях. Он приемлет и продолжает культивировать те мужские ценности, которые его отец усвоил от своего отца: воняющие потом башмаки, непослушание матери, готовность идти на риск — вот части этого” [Silverstein, 1982: 24]. Аналогичные, хотя и несколько иные ценности надлежит усваивать в других культурах — будь то возня с лошадьми, драки на улицах или рыбалка. А вот с мальчиками, интересы которых не отвечают представлениям отца о мужественности, возникает напряженность. Мальчик, интересующийся книжками, балетом или оперой, тогда как его братья живут интересами спортивной команды, озадачивает отца. Он, выходя, “отвергает ценности и убеждения отца, хуже того — он, оказывается, не повторяет отца под копирку” [Silverstein, 1982: 25]. Отец чувствует отчуждение и считает себя оскорбленным и отвергнутым. Сын чувствует это недовольство отца и отходит от него еще больше. Он обычно находит утешение в близости к матери. Но когда выясняется, что его необычность не ограничивается интеллектуальными интересами и вкусами, а затрагивает сексуальную сферу, в семье назревает драма. Против его сексуальной ориентации, считая ее ошибочной, болезненной или злонамеренной, выступают как отец, так и мать” [Клейн, 2000: с. 461–462]¹.

“Посещая группу поддержки для геев, лесбиянок и их родителей, я часто слышу, как родители говорят о том, что они замечали какие-то черты в своих детях, когда те были еще маленькими. Одни родители говорят, что их сын в детстве всегда хотел играть с девочками, другим казалось, что ребенка необходимо отвести к врачам по смене пола, третьи отмечали гомосексуальные тенденции в своем сыне, так как он не проявлял агрессивного поведения во время спортивных игр, как это делали остальные. Все эти комментарии подразумевают следующее: на определенном уровне воспитания своих детей родители понимали, что существует некоторая связь между несоответствием пола и сексуальной ориентацией”, — отмечала Нэнси Шарп пятнадцать лет назад, с горечью констатируя, что “взрослые склонны игнорировать проявление подобных тенденций в своих детях” [Sharp, 1997]².

¹ Цит. книга: Charles Silverstein, “Man to Man: Gay Couples in America” (New York: William Morrow, 1982).

² Пер. на рус. яз.: Нэнси Шарп “Ваш ребенок: гомосексуал, транссексуал или два в одном?”, на сайте: <<http://teen.lesbiru.com/press/gayortrans.html>>.

* * *

Насколько ситуация остается такой и поныне? К сожалению, никаких данных, собранных в рамках попытки ответа на этот вопрос в России, найти не удалось. Настоящая статья базируется на анализе 60 формализованных интервью с участниками курса “От пола — к гендеру, от гендера — к квиру”, проведенного автором в Киево-Могилянской академии (КМА) в мае 2011 года.

Курс был проведен при поддержке Центра визуальной культуры, и записаться на участие в нем могли и люди, не являющиеся студентами КМА; в действительности, их было 45% от общего числа проинтервьюированных слушателей (примерно пятнадцать человек отказались принять участие в опросе). В рамках курса демонстрировались фрагменты видеofilьмов, и многие участники говорили, что впервые видели кадры из гей-фильмов на большом экране. Перед началом курса циркулировали слухи о возможных актах гомофобного насилия, аналогичных погрому, учиненному в Центре визуальной культуры КМА 20 ноября 2010 года, когда на участников мероприятия, посвященного Международному дню памяти трансгендеров, было совершено нападение. В помещении Центра ворвались более десяти человек в масках, которые предприняли попытку избиения участников, а также распылили слезоточивый газ. Сильные телесные повреждения во время атаки получил координатор трансгендерного направления украинской ЛГБТ правозащитной организации “Инсайт” Тимур Лысенко, который оказал сопротивление нападавшим (см.: [“В Украине...”, 2010]). За считанные дни до начала курса, 17 мая 2011 года, активисты общественной организации “Тризуб” имени Бандеры и другие правые активисты сорвали акцию, посвященную международному Дню борьбы с гомофобией. Организаторы акции — представители сексуальных меньшинств, студенты Киево-Могилянской академии и активисты движения “Инсайт” — планировали провести во дворе вуза День молчания: заклеить себе рты пластырем, что символизировало бы игнорирование обществом проблем сексуальных меньшинств. Активисты раздавали студентам и журналистам листовки, в которых было написано, что в Украине запрещены однополые браки, не действует система усыновления детей одногендерными парами, а также предлагалось “писать статьи про лесбиянок, геев, бисексуальных и трансгендерных людей и носить символику ЛГБТ-сообщества”. Однако потом появились правые активисты, часть из которых была в масках. Националисты развернули плакаты с изображением трансвеститов и скандировали: “Свободу пидарасам!”, “Дашь права для педиков!”, “Легализуйте зоофилию!” В итоге завязалась небольшая потасовка, в результате которой правые активисты оттеснили участников акции от камер журналистов и снова принялись скандировать свои лозунги. “Сейчас мы пойдем в ректорат и потребуем, чтобы там было создано особое подразделение, которое защищало бы права студентов-пидарасов”, — “пошутил” один из молодчиков-гомофобов [“В Киеве...”, 2010]. Опасаясь подобных нападений, руководство Центра в день начала достаточно широко разрекламированного курса добилося от ректората КМА выделения усиленной охраны; однако, к счастью, никаких гомофобных провокаций не было, и впоследствии охрана была снята.

Среди участников курса треть имели опыт исключительно гетеросексуальных отношений, в то время как другая треть — преимущественно гомосексуальных, хотя 80% из них имеют и опыт гетеросексуальных отношений (остальные опрошенные либо не имели вообще сексуального опыта, либо, имея исключительно гетеросексуальный опыт, не убеждены в собственной гетеросексуальности). В центре исследования — вопрос о доверительных отношениях, которые складываются у гетеро- и гомосексуалов со своими родными и близкими.

Из полученных данных следует, что *родители и другие члены семьи не являются ближайшими конфидентами ни для гетеро-, ни для гомосексуалов*. Так, 55% опрошенных гетеросексуалов о своем первом опыте интимных отношений первому/первой рассказали своему/своей другу/подруге того же гендера и лишь для 15% (все — девушки) наиболее доверительными являются отношения с мамой или сестрой, с которыми опрошенные первыми поделились своими интимными переживаниями. Папа, бабушка, дедушка или брат не были ближайшими конфидентами ни для кого из опрошенных. Среди людей, имеющих гомосексуальный опыт, наблюдалась похожая картина: для 50% из них первым конфидентом был/а друг/подруга того же гендера, что и сами опрошенные, в то время как ни один (!) из опрошенных не назвал своим первым конфидентом маму, папу, бабушку, дедушку, брата или сестру.

В целом, как представляется, это нормально. Как отмечал израильский психолог Хаим Гинот (1922–1973), личность в процессе взросления проходит путь от организации (детство) через дезорганизацию (отрочество) к реорганизации (взрослость) (см.: [Ginot, 1969]). “В процессе социализации группа ровесников в значительной степени замещает родителей” [Ремшмидт, 1994: гл. 3.6], — подчеркивает немецкий психолог Хельмут Ремшмидт (кстати, уроженец Черновиц) в своей книге “Подростковый и юношеский возраст”, в главе “Семья и процесс отделения от нее”. В книге “Психология ранней юности”, выпущенной, к сожалению, без справочно-библиографического аппарата, И.С.Кон приводит данные, собранные Т.Н.Мальковской, опросившей в конце 1960-х годов полторы тысячи питерских старшеклассников. В свои любимые занятия 79% юношей и девушек посвящали товарищам и друзьям, и лишь 15,5% — родителям. Зато, отвечая на вопрос: “С кем бы ты стал советоваться в сложной житейской ситуации?”, и юноши, и девушки поставили на первое место мать, на втором месте у мальчиков оказался отец, у девочек — подруга. Иначе говоря, с товарищами приятно развлекаться, с друзьями — делиться переживаниями, но в трудную минуту лучше обратиться к маме. Больше всего старшеклассникам хотелось бы видеть в родителях друзей и советчиков”, — суммировал И.С.Кон, указав, что сходные тенденции существуют у школьников Германии, Франции и других стран (см.: [Кон, 1989: с. 113]). Да и тот же Х.Ремшмидт подчеркивает: “Несмотря на уменьшение влияния семьи в период взросления, она остается важной референтной группой. Хотя процесс отрыва от семьи — обязательное условие достижения самостоятельности, обособление от родителей в большинстве случаев временное и неполное, прекращающееся после достижения молодыми людьми независимости” [Ремшмидт, 2005: гл. 3.6].

Как свидетельствуют собранные нами данные, здесь-то и кроется основная разница между гетеросексуалами и гомосексуалами: первые действи-

тельно проходят этот процесс “воссоединения” с родителями, тогда как вторые — нет.

С течением времени большинство гетеросексуалов делятся с родителями (как минимум, с мамой) информацией о том, что приобрели тот или иной сексуальный опыт. О своем первом гетеросексуальном опыте маме, рано или поздно, рассказали 12 из 20 опрошенных (60%), имеющих этот опыт, причем в двух третях случаев (у 8 человек) это случилось в том же году, когда этот опыт был приобретен; 8 опрошенных (40%) никогда не обсуждали с мамой эту тему. Напротив, большинство гомо- и бисексуалов в течение многих лет не совершают coming out перед своими родителями, вследствие чего те имеют весьма приблизительное представление о том, чем живут их дети, что им важно и что их беспокоит. Лишь двое опрошенных (10%), обе — девушки-бисексуалки, имеющие опыт лесбийских отношений, рассказали маме об этом своем опыте, в обоих случаях — примерно через год после него, и в обоих случаях реакцией была истерика или скандал, причем в одной семье мама с течением времени приняла выбор своей дочери, а в другом случае аналогичная проблема так и не разрешилась; одна мама, по словам опрошенной девушки, догадалась сама. 17 опрошенных (85%) никогда не обсуждали со своими мамами эту грань своей личности.

Таким образом, у молодых людей-гомосексуалов и девушек-лесбиянок процесс отчуждения от родителей является не временным, а, как минимум, долгосрочным. В среднем, между первым лесби- или гей-опытом опрошенных и датой проведения интервью прошло 5–7 лет — и даже почти шесть лет спустя подавляющее большинство из них ни разу не обсуждали эту сторону своей жизни ни с кем из членов своей семьи. Если для большинства гетеросексуалов сам факт сексуальной жизни служит фактором обособления от родителей на сравнительно короткий срок (в нашей выборке 40% опрошенных рассказали мамам об этом в том же году, когда, воспользуемся неудачным, но распространенным оборотом, “потеряли невинность”, еще 20% сделали это позднее), то для ЛГБТ-молодежи их сексуальная жизнь становится постоянным фактором обособления и отчуждения от родителей. “Мама не знает, кто я и чем живу”, — сказала одна из опрошенных девушек, добавив: “Не знает, и слава богу”. Подобные чувства гетеросексуальные юноши и девушки переживают значительно реже.

Небезынтересно отметить, что у значительного большинства (80%) опрошенных молодых людей и девушек, имеющих опыт сексуальной близости с людьми одного с ними гендера, есть и опыт гетеросексуальных отношений, причем в большинстве случаев опыт “нормативных” гетеросексуальных отношений предшествовал лесби/гей-опыту, а не наоборот. Мы не можем сказать, были ли это только “поиски себя” или же проявления камуфлирующей гетеросексуальности, вызванной стремлением вписаться в социальные нормы, не поощряющие сексуальное диссидентство. При этом и возраст лесби-/гей-дебюта был сравнительно молодым, для 75% опрошенных — до 20 лет. 35% опрошенных считают свою гей-/лесби- идентичность predetermined генетически, 25% указали, что это их осознанный выбор, а 20% выбрали вариант “так сложилось, а могло сложиться иначе”; остальные не дали ответа на вопрос. Вариант “это всё от Бога”, также предлагавшийся в анкете, не был выбран ни одним из опрошенных. Показательно, что о своем первом гетеросексуальном опыте маме, рано или поздно, рас-

сказали шесть из шестнадцати опрошенных бисексуалов, но только двое из них (обе, как указывалось, — девушки) рассказали матерям о том, что были близки и с другими девушками, и столкнулись, как указывалось выше, с потерянностью, злостью и непониманием...

* * *

Складывается трагическая ситуация: вложив в своих детей значительные ресурсы, как моральные, так и материальные, родители перестают, как минимум, на долгие годы понимать их, быть для них значимыми людьми. Иногда это приводит к разрыву отношений, но, как правило, выросшие дети просто (насколько это в принципе может быть просто, а просто это в принципе быть не может) привыкают к двойной жизни во взаимоотношениях с теми, кто, с формальной точки зрения, являются их самыми “родными и близкими”.

Нередко, пытаясь искренне понять своего ребенка, родители уходят фатально “не в ту степь”, выискивая проблемы там, где их нет, даже не задумываясь о том, что возможная причина странных для них проявлений в поведении их сына или дочери, на которые они обращают внимание, связана с гомосексуальностью. Психолог Евгения Негина описала это сжато и четко:

“Подростка, начавшего понимать, что он не такой, как все, часто мучают угрызения совести и страх перед родителями, друзьями, одноклассниками или сокурсниками: “Что будет, если они узнают? Скорее всего, друзья отвернутся, а родители устроят настоящий ад”. Он чувствует себя одиноким уже в 15–16 лет. В этом возрасте мальчиков начинают интересоваться девочки, а девочки обращают внимание на мальчиков и учатся кокетничать с ними. Вот тут-то и возникают проблемы. Разговоры в компании начинают крутиться вокруг противоположного пола, и вдруг подросток обнаруживает, что ему наплевать на то, у кого из девочек длиннее ноги, и наплевать на девочек вообще.

У мальчиков в переходном возрасте повышается агрессивность, в их среде грубость часто считается проявлением мужественности и силы. Друзья начинают подсмеиваться над женственными манерами подростка, мягкостью и привычкой все время обижаться, как девчонка. Ну что же он поделает, если совершенно не умеет быть грубым, если ему противно слушать сальные анекдоты и он считает, что любой конфликт можно решить без драки? Появляются первые комплексы. Положение может осложниться еще и тогда, когда подросток вдруг почувствует, что испытывает влечение к одному из своих друзей.

Но вот приходит окончательное осознание своей гомосексуальности... И перед ребенком встает еще и проблема того, как отнесутся к этому родители. Часто ни мальчик, ни девочка не решаются сказать об этом откровенно, хотя остро нуждаются в поддержке близких людей. Родители замечают, что у ребенка не все ладно, нервничают, предполагают множество причин — от несчастной любви до наркотиков” [Негина, 2005].

Дальше события могут развиваться по-разному. Никаких исследований процессов семейного *coming out*'а в Советском Союзе и постсоветских странах не проводилось, какие реакции встречаются с какой частотой — неизвестно. В статье, недавно опубликованной в журнале “Гендерные исследования” и озаглавленной “Выход из “чулана” по-русски”, ее автор практически ни слова не говорит о том, как, собственно, происходит этот “выход”,

посвящая свою работу деятельности одноименной питерской правозащитно-активистской организации. Автор констатирует:

“*Выход* поддерживает идею полного камин-аута. Тем не менее нельзя сказать, что *Выход* агитирует своих участников и гостей совершать камин-аут. Совершая камин-аут как организация, на индивидуальном уровне активисту предоставляется право выбора: совершать или нет личный камин-аут, вести или не вести образ жизни открытого ЛГБТ-гражданина.

Контекст высокого уровня гомофобии в обществе не позволяет *Выходу* как организации призывать к полному камин-ауту своих участников. Стратегическое поведение организации направлено скорее на консолидацию сил с целью укрепления своих позиций в обществе” [Парфенова, 2010: с. 131–132].

О том, как именно проходит “выход из “чулана” по-русски”, в обществе или в семьях, из этих слов понять, очевидно, нельзя ничего.

Этот пример, увы, не единичен. Аналогичным образом, очень сложно понять, на чем базируется утверждение автора брошюры, выпущенной Информационным центром сексуальных меньшинств в Омске, утверждающего, что “шансы на взаимопонимание, как говорится, фифти-фифти” [Залк, 2001: с. 25]. Стрессогенность данной ситуации, однако, представляется самоочевидной всем, кто заводит разговор об этом. Тот же автор с едва ли уместным бестактным сарказмом пишет: “Обнародование своей гомосексуальности все-таки требует определенной тактики и некоторой подготовки, дабы не спровоцировать инфаркт у дорогих родителей” [Залк, 2001: с. 25].

27 апреля 2011 года на сервисе “Вопросы и ответы” на сайте компании “Гугл” одним из пользователей был размещен вопрос: “Что вы будете делать, если узнаете что ваш сын или дочка нетрадиционной сексуальной ориентации?” Пять респондентов дали нейтральные и даже поддерживающие ответы (“принять ребенка таким, какой он есть, пожалуй, лучший выход из положения”; “это их личное дело”, “не порадуюсь, но это не мое дело”; “смирюсь”; “самое главное — не упрекать! а принять все и поговорить”), тогда как пятеро других декларировали готовность использовать насильственные методы — с не особенно понятными целями: “удавлю своими руками!”; “оторву жопу”; “если девочка лесби или би — еще ладно, но если парень гей, то вышибу из него все говно, так что он даже перестанет смотреть на парней”; “психологи тут не помогут, надо наглядно дать понять, что к чему, методом КНУТА”¹. Каков реальный процент родителей, готовых обратиться к насилию против собственных детей в связи с их несоответствием ожиданиям в сфере гендерной идентичности и сексуальной ориентации, неизвестно; массовых опросов по этой теме в постсоветских странах никто и никогда не проводил.

Евгения Негина описывает наиболее, видимо, типичные стратегии поведения постсоветских родителей, хотя, опять же, никаких эмпирических данных, кроме некоего обобщенного коллективного — не столько даже опыта, сколько здравого смысла — за этим не стоит:

“Но вот родители догадались о том, что проблемы ребенка связаны с его нетрадиционной ориентацией... А может быть, ребенок и сам рассказал

¹ См.: <<http://otvety.google.ru/otvety/thread?tid=7348935f96c8c4a4>>.

об этом. Для начала придется пережить стадию шока. Иногда родители испытывают чувство потери сына или дочери, почти как если бы он умер. Начинаются скандалы, мать впадает в истерику или в состояние транса. ... Некоторые из родителей могут вначале вообще не реагировать на признание ребенка: “Ничего не хочу слышать, эта тема закрыта”. ... Большинство родителей начинают испытывать чувство вины, задаются вопросом, что они сделали не так, где они допустили ошибку в воспитании? Особенно страдает отец “голубого” сына. “Был ли я для него образцом мужчины?” — еще и еще раз спрашивает он себя. ... В некоторых случаях гомосексуальность становится поводом для начала “военных действий”. Все, что делает ребенок, рассматривается как симптом проблемы. Родители цепляются к его одежде, манере говорить, осуждают выбор друзей и так далее. Ребенку остается искать поддержку на стороне. Иногда единственным решением становится уход из дома...” [Негина, 2005].

Вопрос о том, как часто юноши и девушки, как раньше было принято говорить, “нетрадиционных” ориентаций вынуждены уходить из родительских домов, очень и очень важен, однако никакого ответа на него в отечественной исследовательской литературе нет. В посвященной этой теме небольшой статье С.Фадеева и М.Сабунаевой говорится: “Как отмечают все респонденты, самораскрытие перед родителями — это “краеугольный камень” данного процесса [coming-out’a]. Лишь в 3 случаях из 14, описанных нам во время интервью, родители реагировали адекватно, стремились оказать поддержку, создавали благоприятный эмоциональный фон. Во всех остальных случаях возникали серьезные критические ситуации, которые продолжались значительное время” [Фадеева, Сабунаева, 2010]. И здесь, к сожалению, никакого дальнейшего развития поднятая тема не получила: какие именно “серьезные критические ситуации” возникли в семьях одиннадцати респондентов, насколько “значительное время” они продолжались и были ли как-то разрешены, — обо всем этом в статье не говорится. Отсутствие опубликованных исследований создает проблему и для молодых людей, и для их родителей — люди, стоящие перед теми или иными проблемами, естественно, хотят узнать, как с этими проблемами справляются другие, но узнать им об этом практически нигде. Хочется верить, что исследовательские работы по этой теме появятся в России, в Украине, в Беларуси, в других постсоветских странах и что ждать этого не придется слишком долго.

* * *

Проблема поколений обсуждается так часто, что порой кажется, будто нынешняя молодежь принадлежит к первому поколению, среди которого вообще появились геи, лесбиянки, бисексуалы и транссексуалы — подобное предположение, понятно, нелепо само по себе. В сборник “Розовые фламинго” — вероятно, единственную, изданную на русском, книгу интервью с российскими геями и лесбиянками, включены, в частности, беседы с тремя мужчинами, родившимися еще при жизни Сталина в таких далеких от Сан-Франциско времен Харви Милка городах, как Томск, Красноярск и Алма-Ата [Франета, 2004: с. 63–78, 94–112, 113–137]. Однако полное игнорирование вопросов альтернативных гендерных идентичностей и сексуальных ориентаций в печати до конца 1980-х годов привело к тому, что родители взрослых в настоящее время молодых людей в процессе собственной

социализации ничего об этом не узнавали. Да и в последние двадцать лет на смену замалчиванию чаще приходит не идеология мультикультурной гендерной толерантности, а практика гомофобствующего подавления.

Трудно сказать, сколько пройдет времени, пока идеология ультимативного гетеронормативизма будет выглядеть столь же странной, как выглядит сегодня весьма распространенная еще не так давно идеология миссионерства, исходящая из того, что повсеместное принятие христианства всеми людьми планеты — цель возвышенная и благородная, оправдывающая любые крестовые походы и завоевательные заморские кампании. В последнее десятилетие в постсоветских европейских странах векторы движения в этом вопросе весьма противоречивы и отнюдь не тождественны тому вектору очевидного укрепления гендерной толерантности, становящемуся “правилом хорошего тона” в большинстве стран Запада. Однако каковы бы ни были глобальные тенденции в обществе, каждой семье, в которой сын или дочь отказывается следовать гетеронормативистской парадигме, нужно выработать взаимоприемлемую модель сосуществования всех ее членов между собой. Родителям надо жить в мире и гармонии со своими детьми даже пока, цитируя И.С.Кона, “Москва — не Сан-Франциско”. Возможно, для этого будет нелишним перенять некоторые популярные в Сан-Франциско практики.

“Мысль о том, что между взглядами и ценностями большинства подростков и взрослых всегда был и всегда будет существовать значительный разрыв, скорее всего неверна”, — считают К.Флэйк-Хобсон, Б. Робинсон и П.Скин и добавляют: “В США существует много так называемых групп поддержки, участники которых отстаивают права гомосексуалов, помогают им противостоять враждебным выпадам со стороны сограждан, стараются создавать необходимые условия для их личностного развития. Нередко в эти группы включаются и родители гомосексуалов” [Флэйк-Хобсон, Робинсон, Скин, 2002: с. 55, 77].

“Понять другого человека можно только при условии уважения к нему, приняв его как некую автономную реальность”, — справедливо подчеркивал И.С.Кон, добавляя: “Послушание и потребность в руководстве — не самые ценные качества взрослого человека” [Кон, 1989: 114, 117]. Никакие родители не проживут за своих детей их жизни, поэтому главная задача — помочь им быть собой, самореализовавшись на том пути, который, как они считают, подходит им в наибольшей мере, пожелав им счастья и удачи. Только принимая своих детей такими, какими они видят себя сами, родители могут рассчитывать на доверие и уважение с их стороны. Как справедливо указывал профессор психологии Филипп Райс: “Подростки жаждут встретить со стороны родителей сопереживание и понимание, готовность выслушать без скепсиса. Исследования показали, что то уважение, которое родители оказывают подросткам, сторицей окупается хорошим климатом и счастьем в семье” [Райс, 2000: с. 426]¹. К огромному сожалению, подобных примеров в нашей выборке не оказалось ни одного: из двадцати опрошенных, имеющих опыт гей- или лесби-отношений, ни один человек не сказал, что, поделившись информацией об этом с родителями, получил от них “сопереживание и понимание”...

¹ Пер. выполнен по изд.: F.Philip Rice. “The Adolescent: Development, Relationships, and Culture”, 8th ed. (Allyn and Bacon, 1996).

Исследователи, как правило, счастливы, когда их коллеги приходят позднее в своих работах к тем же результатам, к которым пришли они сами. Я, однако, очень надеюсь, что результаты, которые получают те, кто поставит перед собой тот вопрос, который обсуждал здесь я, будут принципиально другими. Эта надежда — единственное, на что остается уповать, анализируя полученные данные. Так продолжаться не может, между повзрослевшими детьми и их родителями не может и не должна существовать непреодолимая стена отчуждения.

18 мая 2011 года в Питере состоялся радужный флеш-моб, в котором приняли участие и несколько немолодых уже матерей, стоявших с плакатом “Родительская любовь не зависит от ориентации детей”¹. Этим женщинам я хотел бы посвятить настоящую статью.

Источники

Дубин Б.В. Между всем и ничем // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю.А.Левады, Т.Шанина. — М.: НЛО, 2005. — С. 250–251.

Ремимидт Х. Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности. — М.: Мир, 1994. — Гл. 4.7 “Психосоциальные конфликты в период взросления”.

Флэйк-Хобсон К., Робинсон Б.Е., Скин П. Физическое, умственное и половое развитие в отрочестве и юности // Подросток и семья / Под ред. Д.Я.Райгородского. — Самара: “Бахрах-М”, 2002. — С. 59.

Кон И.С. Любовь небесного цвета. — СПб.: Продолжение жизни, 2001. — С. 235.

Кон И.С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. — М.: Олимп-АСТ, 1998. — С. 359.

Клейн Л.С. Другая любовь. — СПб.: Фолио-пресс, 2000. — С. 461–462.

Sharp N. Is This Child Gay, Transgendered, or Both? — 1997. —

<<http://www.critpath.org/pflag-talk/gid2.htm>>.

В Украине совершено террористическое нападение на участников мероприятия, посвященного трансгендерам // Блог “ЛГБТ-Грани”, 21 ноября 2010 г. —

<<http://lgbt-grani.livejournal.com/720751.html>>.

В Киеве необандеровцы сорвали акцию против гомофобии. — 18 мая 2011 г. —

<http://old.kpnews.com/main_topic7_15327.html>.

Ginott H.G. Between Parent and Teenager. — New York: Scribner, 1969.

Кон И.С. Психология ранней юности. — М.: Просвещение, 1989. — С. 113.

Негина Е. Толя любит Колю... (2005). —

<<http://www.privatelife.ru/2005/gd05/n2/5.html>>.

Парфенова О. “Тактик под маской стратега”, или выход из “чулана” по-русски // Гендерные исследования. — 2010. — № 20–21. — С. 131–132.

Залк М. Восемь способов совершить Coming Out // Coming Out. Стань самим собой. — Омск: Информационный центр сексуальных меньшинств, 2001. — С. 25.

Фадеев С., Сабуняева М. Самораскрытие как ключевой фактор становления гомосексуальной идентичности // Возможен ли квир по-русски? / Под ред. В.Созаева. — СПб.: ЛГБТ организация Выход, 2010. — С. 140.

Франета С. Розовые фламинго. — Тверь: Ганимед, 2004. — С. 63–78; 94–112; 113–137.

Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. — СПб.: Питер, 2000. — С. 426.

¹ См. запись сына одной из них: <<http://danny0071.livejournal.com/142705.html>>.